

ЯКОБ ГРИММ

ГЕРМАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

БОГИ ДРЕВНИХ
ГЕРМАНЦЕВ

ЯУА

МОСКВА
2024

ЯКОБ ГРИММ

ГЕРМАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

**БОГИ ДРЕВНИХ
ГЕРМАНЦЕВ**

МОСКВА
2024

УДК 398.2(=11)
ББК 82.3(4Гем)-6
Г84

Гримм, Якоб.

Г84 Германская мифология. Боги древних германцев / Якоб Гримм ; [перевод с немецкого Д. С. Колчигина]. — Москва : Яуза-пресс, 2024. — 864 с.

ISBN 978-5-9955-1183-0

Имя Якоба Гримма хорошо известно и взрослым, и детям. Ведь Якоб — один из знаменитых сказочников, братьев Гримм, но прославился он как исследователь германской культуры и мифологии.

Фундаментальная работа Якоба Гримма до сих пор считается «основополагающей и во многом непревзойденной». Говоря о германском язычестве, Гримм показывает читателям малоизвестные обряды, поясняет их суть. Статьи и главы посвящены филологическим, историческим, фольклористическим и поэтическим аспектам дохристианских германских религий. Источники, используемые автором, различны по эпохам и географическому признаку.

Перевод «Германской мифологии» Якоба Гримма и комментарии к ней, выполненные Дмитрием Колчигиным, в 2020 г. были удостоены немецкой переводческой премии Мерск в номинации «Научно-популярная литература».

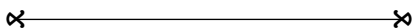
УДК 398.2(=11)
ББК 82.3(4Гем)-6

© Колчигин Д.С., перевод
на русский язык, 2023

© ООО «Яуза-пресс», 2024

ISBN 978-5-9955-1183-0

«Германская мифология» во времени и языке

Предисловие переводчика

МЕЖДУ ПЕРВЫМ ПИСЬМОМ, выведенным рукой четырехлетнего Якоба Гримма («Желаю Вам счастья, дорогой отец...»¹), и последними словами, написанными для «Словаря немецкого языка» («...у славян сохранилось слово *плод*, у литовцев — *vaisus*, у латышей — *auglis*»²), — 74 года жизни, в зрелые годы заполненной научными спорами, путешествиями, политической борьбой, — и, разумеется, непрерывной, ежедневной работой.

Количество написанного Якобом Гриммом таково, что сводный каталог его рукописей занимает около 700 страниц³. Работы его охватывают широчайший круг тем: Гримм обращался и к великому, и к малому, в его трудах с равной степенью обстоятельности рассматривается то тысячелетнее мировоззренческое становление целых народов, то, скажем, сло-

¹ Неопубликованное письмо от 19 сентября 1789 года (день рождения Филиппа Вильгельма Гримма; Якоб желает отцу «многих лет жизни», однако после 1789 года тот не прожил и семи лет); письмо хранится в Марбурге, в Гессенском государственном архиве.

² Как пишет Карл Вейганд, «...на этих словах Якоб Гримм, увы, навсегда отложил перо» [1, S. 259]. Герман Герстнер усматривает особый символизм в том, что Гримм умер во время работы над словарной статьей о слове «Frucht»: «...словом “плод” он закончил свою многолетнюю работу над “Словарем” и свою работу вообще» [2, с. 251].

³ Притом что чистовые рукописи, предназначенные для типографии, по тогдашней традиции уничтожались.

ва женского рода, ставшие мужскими именами. Практически все, кто писал о творчестве Гримма, обращали внимание на любовь этого автора к мелочам; он сам многократно подчеркивал, что никакое серьезное исследование невозможно без внимания к тому, «что представляется ничтожным»:

Работа естествоиспытателей доказывает, что малейшее бывает ключом к величайшему; необходимо понять, почему определяющие черты нашей древности стираются, а нечто мелкое и, как представляется на первый взгляд, случайное в скрытом виде остается навсегда [3, S. VII].

Неудивительно, что именно Гримм стал первым ученым, обратившимся к теме германской мифологии: реликтовой, сохранившейся лишь в малейшем и требующей нечеловеческого внимания к деталям. «Религия у них заключается, главным образом, в вещах малозначительных» [3, S. XLI], — говорит Плиний Старший о галлах: для Гримма это становится обобщающей цитатой, суммирующей метод.

Обращение Я. Гримма к мифологии, пожалуй, тесно связано с той стороной его деятельности, которая в мире известна шире всего: с собиранием сказок. Работа Гримма со сказками имела во многом определяющее значение: во-первых, при записи и обработке текстов Гримм научился ценить историческое значение диалектов — как известно, он был противником литературной обработки фольклорного материала и предлагал рассматривать источник именно в том виде, как он живет в народе¹. Во-вторых, в самом материале, как считал Якоб Гримм, просвечивала германская мифическая старина. Он писал:

¹ В 1813 году, сразу после выхода первого издания «Детских и домашних сказок», Ахим фон Арним писал Гримму: «...для современного ребенка многие диалектные обороты (из этого сборника) просто не понятны» [4, S. 263]; Гримм отвечал, что это неизбежно и что в этом есть даже определенная прелесть: «...непонятные слова и обороты можно пропустить и оставлять на потом» [4, S. 271].

Книга сказок написана не для детей... Я не работал бы над ней с таким удовольствием, если бы не осознавал ее значения для взрослых: для поэзии, для мифологии, для истории [5, S. 281]¹.

Работа братьев Гримм фактически легализовала в Европе фольклористику как науку — до того это считалось делом неблагодарным² — и породила целую волну этнографических исследований во всех соседствующих странах (практически все собрания сказок и легенд, на которые Гримм ссылается во втором издании «Мифологии», — а изданий таких — несколько десятков! — созданы под влиянием работы самих Гриммов: и фольклористской, и мифологической).

В современном мире Якоб Гримм — типичный автор «для всех и ни для кого»³. С одной стороны, его имя и вклад в науку общеизвестны, с другой — известность эта (по крайней мере, в русскоязычной среде) в целом не подразумевает знакомства с собственно авторскими трудами. Из огромного научного наследия Гримма на русский целиком не переведено решительно ничего — за исключением

¹ Макс Мюллер, не зная об этом письме Гримма, говорил о гриммовском сборнике сказок почти дословно то же самое.

² Скажем, выход «Волшебного рога мальчика» — сборника песен, подготовленного фон Арнимом и Брентано, — был встречен сокрушительной критикой практически со всех сторон.

³ Не всякий даже соотнесет Якоба Гримма с братьями Гримм: образы Якоба и Вильгельма (совместно издавших и написавших сравнительно немного) в общественном сознании слились и объединились, что иногда приводит к казусам. Например, Бернард Шоу считал самым занимательным писателем Германии «автора “Сказок Гримма”»; «... Шоу, — говорит Томас Манн, — видимо, неизвестно, что этот “Гримм” состоял из двух лиц, братьев Якоба и Вильгельма, романтически восторженных любителей немецкой старины» [6, с. 447]. До сих пор в научно-исследовательской литературе можно столкнуться с упоминаниями о «Германской мифологии» или «Немецких героических сказаниях» *братьев Гримм* (хотя в действительности первый труд принадлежит Якобу, а второй — Вильгельму Гримму).

небольших заметок и фрагментов из крупных сочинений. В этом отношении выбор труда для первого полного русского перевода довольно очевиден. Из всех работ, составляющих ядро наследия Гримма, «Германская мифология», пожалуй, обращена к наиболее широкому кругу читателей: лингвистика становится здесь инструментом культурологии¹.

Эта книга, как и любое революционное произведение, стала итогом, разрешением многолетней аккумуляции фактов, стала рывком после многих осторожных подступов: ее появлению предшествовало, в первую очередь, то повышенное внимание, какое мифологии стали уделять немецкие романтики. Работы Иоганна Гердера, братьев Шлегелей, Новалиса в научно-методологическом отношении не имели на Гримма практически никакого влияния² — и всё же сам импульс, сама идея об обращении взгляда к родным древ-

¹ Рихард Вагнер, например, говорил, что языковедение вообще заинтересовало его только благодаря той неожиданной (по крайней мере, для XIX века) *антропологической* (у Вагнера: «physiologisch-philosophische» [7, S. 20]) стороне, которую открыл в этой науке Якоб Гримм.

² Разве что идею Гердера о вечном народном духе, выражающемся в фольклоре, Гримм подхватил и вывел на новый уровень. Еще одним прямым предшественником Гримма был датский ученый Николай Грундтвиг: его «Nordens Mytologi» (1808) — это крайне важный труд своего времени, хорошо известный Гримму и оказавший на него некоторое влияние. Разумеется, можно выявить отдельные точки соприкосновения между сравнительно-историческими идеями Гримма и Йозефа Гёрреса (хотя предметы их исследований различались, и, к тому же, азиатский, индогерманский уклон Гёрреса не вполне характерен для Гримма: он тоже осторожно сравнивает германские сказания с индустскими мифами, однако для нашего автора это сравнение никогда не становится камнем преткновения), между этимологизмом Гримма и поиском корней для «всеобщей мифологии» у Иоганна Канне (впрочем, о временах раннего этногенеза Гримм говорит однозначно: в эту «немыслимую историческую глубину, — пишет он, — не может проникнуть ни один исследователь»; Гримм, в отличие от своих предшественников — филолог-германист, не философ и не искатель праречий: от тенденций раннего XIX века Гримм отвернулся и создал вместо них свои).

ностям и народному творчеству происходят от романтиков и восходят к ним¹. Гримм, со своей стороны, полностью вывел мифологию из-под гнета философии²: исследовательская парадигма у него кардинально меняется, и всё романтическое прогорает, дав только первичный запал³. Мифология

¹ Работы классических филологов (например, Фридриха Кройцера) в методологическом отношении тоже не вполне связуемы с трудом Гримма: греко-римская мифология как предмет исследования отличается от мифологии «варварской» во всех аспектах — в первую очередь это работа с радикально различающимися типами источников.

² М. С. Куторга говорит о гриммовских «Древностях права», что они «...как сочинение критическое, приводят читателя в изумление; автор отыскал и восстановил множество предметов или вовсе неизвестных, или ложно понимаемых, определил их значение и исчислил их с необыкновенной ученостью и точностью...»; тем не менее книга не совсем удовлетворительна «как труд умозрительный, философский» [8, с. 6]. Гримм, однако же, именно в том и видел назначение своей работы, чтобы освободить германскую древность от бесконечного философствования классиков и романтиков; ср. со словами Гримма из главы I: «Неполнота и недостаточная связность восстановленного материала неплохо защищают меня от той ошибки, которая часто портит исследования скандинавской и греческой мифологий: имею в виду привычку разбавлять полуизвестные исторические данные пространными философскими или астрономическими интерпретациями» [3, S. 10]. В том, что касается скандинавской мифологии, Гримм здесь совершенно точно имеет в виду комментарии Финна Магнусена к «Старшей Эдде», наполненные разного рода интердисциплинарными толкованиями.

³ Ср. со словами Рудольфа Гайма: «Все предшествовавшие возникновению новой школы исследования старинного немецкого языка и старинной немецкой литературы были лишь приговорительной работой и потому не приводили ни к каким прочным результатам. До половины восемнадцатого столетия труды этого рода предпринимались только урывками и не из любви к самому делу, а по каким-нибудь посторонним соображениям. Потом они вошли в связь с изучением немецкой литературы, но были очень незначительны» [9, с. 750]. Весьма характерно, что Гайм в своем фундаментальном исследовании о романтиках вообще не упоминает Гриммов: их труды определено принадлежат другой эпохе. Вообще, отношение Якоба Гримма к его предшественникам-романтикам было двояким: с одной стороны, методологически Гримм (сторонник строго научного подхода и ценитель исконной древности) был полным антагонистом романтиков (во всем оставшихся в первую очередь поэтами и считавших, — и то лишь в поздние годы, — немецкое Средневековье скорее источником вдохновения, чем самостоятельной ценностью); с другой же стороны, именно работа романтиков (а именно — составленный Людвигом Тиком сборник средневерхнемецкой

по Гримму — строгая дисциплина, полностью параллельная лингвистике и юриспруденции: поэзия и история, поэзия и язык, поэзия и право — всё это у Гримма рассматривается как почти неделимое целое, как краеугольные камни народного самосознания. Гримм неоднократно подчеркивал, что три основополагающие темы, которые он разрабатывал всю жизнь — язык, право и мифология, фактически представляют собой три раздела единой науки («Мои труды оказались взаимосвязаны, доказательством одного вдруг поддерживалось и что-то еще, одним обоснованием подтверждалось сразу и нечто другое» [3, S. XLI], — говорит Гримм в предисловии к «Мифологии»).

Первое сочинение Якоба Гримма, посвященное германской мифологии, увидело свет еще в 1815 году (тогда же вышел второй том «Детских и домашних сказок» — в первом издании) и, соответственно, на 20 лет предшествовало появлению «Германской мифологии»¹, основного труда на эту тему: речь идет о статье «Дорога и столпы Ирмина» («Eine mythologische Abhandlung von Jacob Grimm» [10]). Статья эта посвящена вестфальскому, нижнесаксонскому культу Ирмина-Иринга и всему, что с ним соотносится, — ирминсулям, «столпам Роланда», земной «дороге Ирмина» как отражению небесного, галактического пути. Каждая из этих тем подхвачена и подробно разработана в «Мифологии» (см. главы III, XV, XXII), но свое историческое значение статья 1815 года, несомненно, сохраняет: из нее ясно, что уже в ранние годы Гримм не только обращался к мифологии, но

поэзии, первый в своем роде) повернула Гримма-юриста к филологии. Интересно, что тот же Тик в более ранние годы советовал Вильгельму Ваккенродеру «не портить себе вкус» немецким Средневековьем [см. 9, с. 751].

¹ Первые упоминания о готовящемся крупном труде, посвященном мифологии, в письмах Гримма относятся к 1832 году.

и во всех основных чертах выработал свой метод, свой подход к этому предмету, практически во всем не зависимый от господствовавших тогда методик¹.

Один из центральных концептуальных тезисов Гримма, во многом предвосхищающий антропологию XX века, заключается в том, что ни один народ, обладающий языком, не может пребывать в состоянии «смутного, безрадостного варварства» и совершенно неизбежно обзаводится естественной поэзией (ср. с «натур-эпосом» Шеллинга) и мифологией. Вообще, в работе Гримма обнаруживается немало любопытных параллелей с методами тех мифологических школ, которые сложились существенно позже: Гримм, словно структуралист, выделяет в мифах фундаментальные бинарные оппозиции (что проявляется даже в названиях некоторых глав — ср. с главами XXIII и XXIV: «День и ночь», «Лето и зима»); словно ритуалист, он напрямую связывает содержание мифов с общественной и жреческой культовой практиками (более того: главы, посвященные ритуалу (III–V), предшествуют у Гримма главам о мифе); Гримм усматривает взаимопроникновение мифов и социальных норм (в частности, статус женщины в германском обществе он многократно соотносит с мифологической иерархией женских божеств и «вещих жен»), что можно сопоставить с методом поздних функционалистов; от гриммовской концепции мифологии как поэтизации мировоззренческих констант — один шаг до идеи об архетипах и народном бессознательном.

Достаточно интересен сам подход Гримма к языческому многобожию как некоему, по выражению Г. Честерто-

¹ В 1817 году вышла брошюра Фридриха фон дер Хагена «Irmin, seine Säule, seine Strasse und sein Wagen», в значительной степени повторяющая исследование Гримма на ту же тему.

на, «нагромождению монотеизмов». Можно сказать, что Гримм, выделяя многочисленные языческие пережитки в христианском предании, усматривал частицу монотеизма и в самом язычестве. Древние боги не бессмертны и подвержены старению (этот вопрос Гримм подробно рассматривает в главе XIV «Мифологии»), и потому они, подобно людям, зачинают целые роды молодых богов и полубогов-героев («...происхождение героев весьма сходно с генезисом самого политеизма», — говорит Гримм в главе XV [3, S. 318]): в каждом поколении старый отец обновляется, вновь рождая самого себя; таким образом, всё многообразие богов можно редуцировать до единой творящей силы, и Гримм даже находит *имя* такой силы: «...вся совокупность благодати и блаженства, вся полнота дарованного свыше выражалась в древнем языке германцев одним словом» [3, S. 114], и это слово — *Wunsch* («*wunisc, wunsc* — всестороннее совершенство: то, что можно назвать идеалом» [3, S. 114]); всех богов и героев Гримм рассматривает только как производные от этой глобальной идеи Совершенства-Желания, центральным воплощением которой в германском пантеоне был верховный бог Вотан.

Такая индукция богов и героев к пантократической созидательной концепции (можно рассматривать ее как прообраз христианского бога или же просто как некий «мировой дух», двигатель человеческой истории) позволяет самому Гримму усматривать в бытовых традициях и древних речевых формулах не случайным образом сохранившиеся реликты «поганой веры», а некие вечноживущие аксиомы народного миропонимания. «Вполне серьезно задают вопрос, — пишет Гримм, — действительно ли существуют языческие боги? И я боюсь на этот вопрос отвечать» [3, S. XLI].

Нельзя не заметить, что отдельные фрагменты книги приобретают почти дидактическое звучание: Grimm указывает на положительные и отрицательные аспекты древней веры¹, на сильные и слабые стороны крестителей Германии; он называет непростительным то рвение, с которым первые христиане сметали с лица земли языческие артефакты, и посвящает пассажи похвале лютеранству. В целом нужно подчеркнуть: такого рода оценки Grimm в «Мифологии» позволяет себе делать почти исключительно во вводной части (в Предисловии и первой главе), но нельзя все же не вспомнить слова Германа Герстнера: «Якоб Grimm требовал, чтобы наука не только учила истине, но и, в случае необходимости, вставала на ее защиту» [2, с. 167].

Важно, что книга Grimma отличается не только высокой научностью, но и определенной поэтичностью (ср. с определением «выдающийся мастер поэтического языка» [2, с. 158]; Вильгельм Шерер говорил, что Grimm пишет о германских древностях, как о своем детстве [12, S. 686])². Именно этим, наверное, и объясняется то волшебное воздействие, какое «Мифология» (даже будучи тяжелой для чтения специализированной монографией) оказывала на людей искусства. Достаточно сказать, что именно под влиянием теорий и реконструкций Grimma родилось зрелое творчество Рихарда Вагнера. Читая «Германскую мифо-

¹ Стоит сказать, что Grimm не в полной мере был склонен идеализировать германское язычество и рисовать его в исключительно «светлых и жизнеутверждающих тонах» [11, с. 278]; например, в главе III подробно рассматривается вопрос человеческих (в том числе детских) жертвоприношений, бытование которых у древних германцев Grimm считает «безусловно доказанным» [3, S. 36].

² Можно вспомнить, что свою краткую автобиографию, написанную для энциклопедии немецкого искусства [13, S. 1–24], Grimm почти полностью посвящает не научным работам и открытиям, а воспоминаниям из детства.

логию», тридцатилетний композитор, по его собственным словам, «пережил полное перерождение» [7, S. 272]. Интересно, что и Вагнер сравнивает чтение этой книги с обретением утраченного детства: «...в детях нас особенно восхищает и умиляет захватывающе-радостное первое, новое, молниеносное *узнавание* — точно так же и я устремил восхищенно засиявший взгляд на новый мир, чудесным образом открывавшийся познанию: мир, который до того я, как ребенок во чреве матери, лишь слепо предчувствовал» [7, S. 272]¹.

В том, что касается художественной литературы, Якоб Гримм был противником переводов как таковых, как явления². К переводам учебной и научной литературы, однако же, этот ученый и сам прикладывал руку (так, он перевел на немецкий «Сербскую грамматику» Вука Караджича); тем не менее его собственные труды, почти все из которых еще при жизни автора заслужили международное признание, широко цитировались, обретали подражателей, критиков и продолжателей, переводами оказались, в глобальном смысле, обделены. В том, как работы Гриммов переводились на другие языки, прослеживается некая историческая ирония: их сборник сказок стал одной из самых переводимых книг в истории чело-

¹ Влиянию Гримма на Вагнера посвящена книга А. Прюфера «Richard Wagner und Jakob Grimm» [14].

² Ср. со словами Гримма: «Переводчик подобен художнику, которому надлежит скопировать замечательную картину, но при этом пользоваться одним серым цветом: ну, скажем, потому, что заказчик не способен воспринимать никакого другого, — вообразим же себе, какой мучительный труд предстоит живописцу: при каждой линии, при каждом движении кисти он принужден думать, как бы сделать его полегче, понеприметнее. Это подводит ко второму пункту: почему переводят? На такой вопрос есть лишь один ответ — тот же, что на вопрос, почему создают поэзию, почему творят. Ответ: из потребности любить — по той самой причине, по какой бог создал мир» [15, с. 415].

вечества, — хотя отношение Гримма-старшего к таким переводам известно, — в то время как их основные, нехудожественные работы переводятся крайне вяло и, чаще всего, — отрывочно.

Несмотря на это, от каждого крупного труда Гримма расходятся целые ветви, целые поколения новых ученых, вдохновившихся работой своего предшественника. «Мифология» — не только не исключение, но даже, вероятно, и лучший пример: воодушевившись начинанием Гримма, — а его работа на мифологическом поле была воспринята с почти всеобщим восхищением, — к мифологическим изысканиям обратились И. Вольф, А. Кун, Я. Буркхардт, А. Гольцман, К. Зимрок, В. Маннгардт, М. Мюллер... И это только немецкие ученые. Не меньшее влияние «Германская мифология» имела и за рубежом (даже в Скандинавии: там продолжателем Гримма стал, в частности, Виктор Рюдберг); в 1854 году Н. Г. Чернышевский писал о современных ему русских ученых-славистах: «...все основные понятия, от которых исходят наши исследователи, принадлежат Гримму» [16, с. 370].

Несравненная значительность «Германской мифологии» проявилась, в частности, и в том, что после выхода своего исследования Гримм приобрел не только желанных (см. окончание главы I) продолжателей своего дела и не менее желанных критиков, но и откровенных эпигонов¹: до сих пор обнаруживаются целые монографии, почти це-

¹ «[После «Германской мифологии»] невозделанных участков на этом поле не осталось <...> зато был дан импульс к составлению множества введений и хрестоматий, к бесконечному выкладыванию академических кирпичиков, не связанных общей архитектурой» [17, р. 18]. Ср. со словами Яна де Фриза: «Германская мифология» — это прекраснейший и самый значительный труд по данной теме: ученым последующих поколений остается лишь развивать, уточнять и продолжать работу Гримма, которая была и остается творением первого разряда. Нельзя не

ликом повторяющие отдельные фрагменты из «Мифологии»¹.

Вполне естественно, что столь заметный труд приобрел своих убежденных критиков². Критика эта полностью сложилась уже в XIX веке и ныне процветает в качестве хорошо забытого старого. Работы Б. Кельнер, В. Гартвиха и т. д. представляют собой, в сущности, сплошной плеоназм и многословное повторение критики М. Гаупта, В. Гольтера, В. Мюллера, В. Вакернагеля, К. Гёдеке (в России схожие взгляды излагал М. С. Куторга).

Не вдаваясь в перечисление однообразных тезисов и суммируя все сущностные замечания, можно сказать, что недостатки «Германской мифологии» видят в следующем:

1) *Гримм регулярно пользуется средневековыми материалами, которые вряд ли можно считать достоверным источником в том, что касается германской древности.* Это замечание довольно формального характера: полное ознакомление с системой Гримма позволяет понять, что, во-первых, далеко не всё в мифологии он соотносит с древностью (см. ниже), во-вторых, система народ-

восхититься широтой взглядов Гримма, полнотой его источников, независимостью его суждений» [18].

¹ Лучшего источниковедческого труда в этой области так и не появилось, поэтому даже убежденные противники Гримма обычно опираются на ту же материальную базу, время от времени лишь добавляя, что «на самом деле» эти цитаты не доказывают гриммовских тезисов (ср., например, с. [19, р. 23]).

² Разумеется, под критикой здесь имеется в виду научно обоснованное несогласие. Периодически против идей Гримма выдвигаются крайне субъективные и беспомощные возражения (например: в «мужском шовинизме», в желании «подкрепить мифологией тогдашнее социально-политическое устройство», в консерватизме и в протестантском либерализме одновременно и т. п.), авторы которых чаще всего прячутся за иллюзорной концепцией «современности»; в качестве экстремального примера можно привести нелепые филиппики Клауса фон Зее (см. его «Göttinger Sieben» [20]), обращенные уже даже не против идей, а против Гримма лично.

ных воззрений для него — явление целостное и непреходящее (теория непрерывности). Кроме того, средневековыми источниками Гримм пользуется весьма аккуратно и всегда подчеркивает предположительность выводов, сделанных на этой основе. Античная литература тоже дошла до нас только в средневековых списках, что не делает ее менее аутентичной; старейшие скандинавские источники зафиксированы только в XIII веке, и это не повод от них отказаться; кроме того, народная вера и народное творчество и без письменной фиксации вполне способны веками сохраняться в неизменности (вспомним, что еще в XIX веке у некоторых азиатских народов певца могли казнить за произвольное изменение народного эпоса);

1а) *Гримм рассматривает сказки и сказания как пережитки древнейших народных представлений, хотя доказать эту взаимосвязь довольно затруднительно.* В целом этот пункт критики мало отличается от предыдущего: вопрос заключается только в том, насколько корректно производится отбор сведений (об этом сам Гримм подробно говорит в предисловии; «народные сказания — как нежные цветы: срывать и собирать их нужно с аккуратностью»), насколько точно авторские сочинения отделяются при этом от народного творчества (пусть даже по «эстетическим категориям», как говорит Л. Блум [21, S. 231])¹. Разумеется, этот материал таит в себе много сложностей и может как приблизить к истине, так и отдалить от нее — но таково свойство этнографического материала вообще, что не является поводом полностью отказываться от исследования;

¹ Собранные Гриммами сказки отдельные критики-радикалы пытались объявить псевдофольклором, собственным сочинением братьев, составленным на основе позднейших источников (см. [22]). Как отмечают К. Каменеcki [23, p. 162, 320 ff.] и П. Баттлс [24, p. 68], каждый из этих критиков, по странному совпадению, сам неоднократно попадался на лжи, подделке фактов и логических уловках в аргументации.

2) *Гримм увлекается не всегда однозначными этимологическими изысканиями и полностью возводит мифологию к лингвистике*; этот пункт критики, в частности, довольно смутно высказывает Дж. Толкин в своих комментариях к «Беовульф» [25, р. 267–268]. Этимология — наиболее точный из инструментов, имеющихся в распоряжении исследователя, занятого реконструкцией древней картины мира: тем не менее, разумеется, не все выводы Гримма одинаково тверды (одни его предположения не оправдались¹, другие он сразу выдвигает с осторожностью и оговорками). Стоит добавить, что во многих отношениях даже весьма пристрастные современные исследователи вынуждены признавать, что «...общие тезисы Гримма о мифологии, выведенные из аналогий с языкознанием, по-прежнему неплохо выдерживают любую критику» [27, р. 183];

3) *Гримм не обобщает сведений, не делает выводов и скрывается за калейдоскопической россыпью фактов*; этот пункт критики особенно часто, с большим упорством высказывает Т. Шиппи, к нему же прибегает и У. Хунгер [28, S. 56]. Тем не менее, как представляется, это очередной «парадокс автора, находящийся в голове читателя»: повествование Гримма и вообще стиль его весьма извилисты, основная мысль обычно сопровождается множеством сопроводительных, одна идея подкрепляется десятью другими, а на одно утверждение приходится иногда, без преувеличе-

¹ Это касается в первую очередь тех редких случаев, когда Гримм ступает на поле индогерманистики: санскритом он никогда специально не занимался и обычно его индоевропейские этимологии не вполне точны. В «недостаточном знании индийского языка» Гримма упрекал еще Франц Бопп [26, S. 120]: это несколько забавно, если учесть, что по части санскрита Гримм обычно полагался именно на работы самого Боппа. С другой стороны, во всем, что касается собственно германской этимологии, есть основания безусловно придерживаться толкований Гримма.

ния, несколько сотен цитат (умение Гримма сводить воедино гигантские корпуса доказательного материала приводило его современников в восхищение — ничего подобного не найти ни в одном из современных трудов). Разумеется, все это усложняет восприятие авторской идеи и требует от читателя особых усилий: нежелание предпринять эти усилия нисколько не оправдывает критиков и не умаляет работы Гримма. Замечания здесь происходят скорее от когнитивной (почти оптической) иллюзии: Гримм на самом деле может рассматривать сотни примеров ради одной строчки вывода, он действительно воздерживается от определенности там, где нет прямых документальных свидетельств, — но все это скорее *возвышает* научную ценность книги, поскольку каждое решительное утверждение автора, — где он берется таковое сделать, — глубоко укоренено в кропотливой работе над доказательствами.

Сюда же следует отнести и еще одно мнение, бытующее в ученой среде: заключается оно в том, что *у континентальных германцев, по мнению ряда исследователей, вообще не было сформировавшейся мифологии, и Гримм не воссоздает, а конструирует ее, руководствуясь более совершенным скандинавским материалом*. Такая точка зрения — наиболее реакционная (в общем виде восходит еще к догриммовским временам); это ошибочное мнение столь убедительно развенчивается самим Гриммом в основном тексте «Мифологии» (см. в первую очередь главу VI), что повторять его аргументы здесь не представляется необходимым¹;

¹ Крайне спорное, но оттого не менее интересное мнение на этот счет высказывал Т. Н. Грановский в своих лекциях по истории Средневековья: «Обе мифологии [скандинавская и германская] выросли из одного корня, но последняя не определилась вполне, ее захватило среди ее развития переселение народов и христианство. Отсюда неопределен-

4) Кроме того, *Гримма часто рассматривают в общем контексте «мифологической школы»*, критикуя Макса Мюллера, Вильгельма Маннгардта, Александра Афанасьева и лишь по совокупности обращая те же аргументы против Гримма как основателя школы; впрочем, каждый из исследователей разрабатывал свою сторону проблемы, выдвигал свои методы и выводы. Вся концепция «мифологической школы» есть не более чем хрестоматийное упрощение, объединение отдельных учений постфактум, по формальным признакам. Лучшее доказательство этому содержится в самой гриммовской «Мифологии» — говоря об учении Мюллера, Гримм с долей иронии замечает, что этот исследователь «всё готов свести к небесам»; действительно, ключевая идея поздней «мифологической школы», а именно возведение мифологий к некоему центральному мифу (обычно — природному), была Гримму абсолютно чужда (ср. с тем, что он говорит о Финне Магнусене в главе XXIV).

ный, туманный характер германских божеств. У германцев религиозное сознание не успело перейти из непосредственности чувства в созерцание, не приняло пластической формы. Сам Иаков Гримм с его огромной ученостью, с его способностью оживотворять предметы, не мог доказать противоположного. По мере того как христианство усиливалось в Германии, скандинавский Север глубже погружался в язычество. У него полная мифология и теогония... Из всех германцев у одних только саксов несколько развитая мифология, потому что они позже всех приняли христианство, но до нас дошло мало памятников, и, кроме того, при враждебном отношении саксов к прочим германским племенам они могли только односторонне выразить свои религиозные идеи, и мнение саксов не есть немецкое» [29, с. 69–70]. Ср. у Гримма: «...история германской мифологии была искусственным образом прервана на очень ранней стадии, и потому наше язычество не породило всего того, что оно могло бы породить. Наши язык и поэзия тоже оказались ощутимо искажены и искорежены, что не помешало им сохраниться и дать новые побеги; языческую веру вырезали под корень, так что ее пережитки могли уцелеть лишь под прикрытием. Германское язычество может представляться грубым и шероховатым, но в этой грубости — простота, а в этой шероховатости — невинность» [3, S. XXXV–XXXVI].

Для него «поэтические воззрения на природу» суть не более чем одна сторона мифа — одна из многих.

Несложно заметить, что все эти возражения отличаются идейной систематичностью: представители одной школы противостоят Гримму как представителю другой; отдельные ошибочные примеры есть у обеих сторон (притом что у Гримма количество примеров исчисляется тысячами, а его противники обычно с большой опаской берутся за что-то конкретное), но никакого аргументационного превосходства у современных критиков Гримма нет; речь, повторим, идет о противостоянии школ, учений, идеологий. Например, Беата Кельнер¹ строит свою критику на том, что народной памяти в языке не существует, что «народ» (само это слово Кельнер обычно пишет в кавычках) — это понятие романтическое, иллюзорное и т. п. При этом действительно эфемерные общности, — вроде вышеупомянутой «мифологической школы», — фигурируют в такого рода исследованиях вполне полноправно.

Нельзя не добавить, что критика гриммовской «Мифологии» часто строится еще и на уязвленном чувстве национального (см. ниже об инкорпорирующем понятии «deutsch» у Гримма): в Дании и в Англии многие восприняли свое причисление к «немецкому» как вызов. Именно этим объясняется большая активность англичан на этом поле²; так, составители сборника «Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous»

¹ Ее диссертация, позже изданная под одиозным названием «Мифы Гримма» (см. раздел «Краткая библиография»), считается своеобразной библией критиков «Германской мифологии». Интересно, что ссылаются обычно не на отдельные аргументы Кельнер (в основном либо сомнительные, либо малозначительные), а на всю книгу в целом, будто сам факт ее существования составляет некий весомый довод.

² В Британии теории Гримма еще при жизни ученого столкнулись с неприятием, если не сказать с ненавистью; Джон Кембл и Бенджамин Торп как сторонники Гримма подвергались у себя на родине обструкции, личным нападкам, обвинениям в национальном предательстве (см. об этом в комментариях к главе V). Подробнее о восприятии Гримма